

Памяти Егора Гайдара

Ясин Е.Г.

От нас ушел Егор Тимурович Гайдар, наш коллега и человек, оставивший заметный след в истории страны и отечественной науки. Он сыграл важную роль в возникновении нашего университета – Высшей школы экономики, в определении его лица – стремления к фундаментальным исследованиям на передовом крае науки в соединении с активным содействием преобразованиям, ведущим к развитию России как свободного демократического государства с эффективной рыночной экономикой.

Эта заметка написана для академического журнала, поэтому я не намерен вдаваться в трогательные воспоминания о Гайдаре как человеке и моем друге. Он заслуживает того, чтобы даже в грустные дни расставания говорить о нем по существу. Тем более, что его деятельность продолжает вызывать ожесточенные споры и весьма неоднозначные оценки.

Период между 1994 и 2009 гг., это 15 последних лет его жизни, Гайдар прожил в тени, хотя в это время сделал немало. Достаточно вспомнить его вклад в налоговую реформу в бытность его депутатом Государственной Думы и написание ряда замечательных книг, начиная с книги воспоминаний «В дни поражений и побед», а далее «Государство и эволюция», «Аномалии экономического роста», «Долгое время», «Гибель империи» и «Смуты и институты». Все его работы в основном посвящены положению России перед рыночными реформами, разъяснению сути реформ и оценке развития страны в постсоветский период. Даже его работы, посвященные мировому экономическому кризису, истории мировой экономики, все они пронизаны болью за свою страну, беспокойством за то, чтобы она не свернула с пути, ведущего к свободе и процветанию.

Я не буду пытаться охватить весь путь Е. Гайдара, все его труды. Остановлюсь только на его главном деле – рыночных реформах 1992–1994 гг.

Чрезвычайные обстоятельства

Егору Гайдару повезло. История выдвинула его на ключевую позицию в самый трудный для его Родины момент. И самое главное – он оказался на высоте положения, сделал, казалось бы, невозможное. Страна смогла выбраться из тупика, избежать катастрофы и обрести перспективу.

Именно в этом его главная заслуга, и именно это – главный предмет ожесточенных споров.

В статье Г. Попова и Ю. Лужкова, опубликованной 22 января 2010 г. в «Московском комсомольце», именно это ставится ему в вину – «шоковая терапия», быстрые

Ясин Е.Г. – профессор, научный руководитель Государственного университета – Высшей школы экономики.

реформы, не давшие большинству населения приспособиться к резко меняющимся условиям. Выбор такого образа действий приписывается догматической приверженности Гайдара и его команды устаревшим теоретическим схемам – монетаризму и вере в «невидимую руку» рынка, который все отрегулирует.

Безусловно, Гайдар был рыночником и сторонником ответственной денежной и финансовой политики. Он соглашался с Яношем Корнаи, считавшим что неискоренимым пороком социализма были мягкие бюджетные ограничения. Но эти взгляды в конце XX в. да и сейчас разделяют все мало-мальски грамотные экономисты. Его решительность и жесткость были обусловлены не приверженностью теоретическим схемам, а чрезвычайными обстоятельствами.

СССР последние 20 лет ежегодно импортировал до 40 млн. т зерна и других видов продовольствия на десятки миллиардов долларов, используя резко выросшие с 1973 г. доходы от экспорта нефти и газа. Но с 1983 г. эти доходы сильно упали: цены на нефть – с 50,3 долл. за баррель в 1982 г. до 45,2 – в 1983; 19,9 – в 1986 г....

Поток западных кредитов, порожденных перестройкой и верой в Горбачева, прекратился к 1990 г., ибо было ясно, что Советскому Союзу, слывшему недавно исправным заемщиком, нечем платить. Быстро поднять производство продовольствия в стране, которая еще в 1930-е гг. разрушила свое сельское хозяйство и с тех пор не смогла его поднять, было невозможно. К тому же десятилетия населению выплачивали большие наличные деньги, не обеспечивая соответствующий рост товарного предложения. В 1960 г. на 1 рубль розничного товарооборота приходилось вкладов в сберкассах на 6 коп. В 1991 г. их было около рубля на рубль. Правительство Н.И. Рыжкова пыталось решить проблему, в частности, организацией выпуска товаров народного потребления на оборонных предприятиях. Денежный навес составлял десятки млрд. долларов, выпуск этой продукции – сотни млн. рублей того времени. Приближалась катастрофа. Ситуацию лучше всех описал Гайдар в «Гибели империи». Сам я помню разговор с С.В. Анисимовым, тогда председателем Госнаба СССР, состоявшийся еще в начале сентября 1990 г. С тоской в глазах он сказал: корабли с товарами не разгружаются в наших портах, нечем платить. Запасов осталось на две недели. Это еще была осень 1990 г. Мы завершали работу над программой «500 дней». В ней, кстати, предусматривалась либерализация цен, правда поэтапная, но за короткий период. Была и идея предварительного сокращения инфляционного навеса, чтобы снизить угрозу гиперинфляции после либерализации цен. Но В.С. Павлов, тогда министр финансов, нам объяснил, что ничего сократить нельзя: сокращение военных расходов вызовет кризис в ВПК и раздражение в армии; сокращение дотаций АПК подорвет сельское хозяйство и продовольственную безопасность. Короче, нельзя и все. Не понимаете – не лезьте, без сопливых обойдемся! Но ничего не предпринималось. Программа «500 дней» была провалена. Потом до августа 1991 г. шло перетягивание каната между Россией и Союзным центром, а экономика погружалась в трясину. К сентябрю 1991 г. 80% вкладов населения в Сбербанке уже ушло на покрытие дефицита союзного бюджета.

Такой была ситуация в экономике накануне путча. Действия Гайдара, после образования нового правительства РФ 6 ноября, были направлены, прежде всего, на спасение ситуации, а тогда центром ее тяжести был продовольственный рынок. Либерализация цен плюс отмена монополии внешней торговли плюс введение свободного курса рубля, позволявшего торговать с заграницей, были единственным практичным решением, причем неотложным. Никаких градуалистских вариантов уже не оставалось.

Главная связка реформ

Так уж вышло, что те же решения открывали путь и для достижения стратегической цели – перехода к рыночной экономике.

Не так давно вышла работа академика В.М. Полтеровича «Элементы теории реформ». Помимо развития институциональной теории, прежде всего в части разумной трансформации институтов в ходе реформ, приемов избегания институциональных ловушек, вся книга построена на критике реформ Гайдара и вообще всех российских и рыночных реформ. Несомненно, эта критика на порядок более профессиональна и разумна, чем, на мой взгляд, просто невежественная, я бы сказал базарная ругань Попова и Лужкова. И тем не менее...

Полтерович определяет «шоковую терапию» как одновременное проведение нескольких реформ, вследствие чего нет возможности учесть негативные последствия одной реформы при проведении другой, а хозяйству и гражданам трудней приспособиться к переменам. Поэтому градуалистский вариант изменения институтов почти всегда лучше. Я то всегда думал, что шоковая терапия – это именно либерализация цен и последующая макроэкономическая стабилизация – наиболее болезненные шаги к рынку. Но если взять за основу тезис Полтеровича, то надо вспомнить о принципе комплементарности институтов [4, с. 11], в связи с чем реформы (а они обычно и осуществляются ради трансформации институтов), должны проводиться связками, пакетами, чтобы обеспечить взаимодополняемость институтов хотя бы в реформируемой области. Если речь идет о частных изменениях в стабильной обстановке, то тезис Полтеровича верен. Если же требуются крупные перемены, то попытки трансплантации отдельных институтов будут вызывать их отторжение. Чем больше требуемые перемены, тем больше и пакет реформ, которые должны проводиться одновременно.

Посмотрим, какой должна была быть стартовая связка реформ при переходе от плановой к рыночной экономике. В работе [8] я показал, что эффективность экономических систем требует их целостности, т.е. комплементарности (конгруэнтности) всех основных институтов. При переходе от одной целостной системы к другой, тоже целостной, обнаруживается их принципиальная несовместимость. Это означает, что новую систему нельзя строить из элементов старой и крупные осложнения при переходе от одной системы к другой неизбежны. Плановая и рыночная системы – это как раз случай несовместимости. Причем в плановой системе стран Центральной и Восточной Европы еще существовали сильные компоненты рыночных отношений, как в Польше сельское хозяйство, в Венгрии – малый бизнес, а в СССР они были практически полностью изжиты, три поколения граждан совершенно не сталкивались с рыночными институтами.

Стартовая связка рыночных институтов у нас должна была включать:

- свободные цены и свободные сделки взамен твердых государственных цен, директивных заданий и фондирования материальных ресурсов;
- открытую экономику, свободную внешнюю торговлю взамен монополии внешней торговли с разделением внешнеторговых и внутренних цен;
- свободный рыночный курс рубля, чтобы предприятия и граждане могли участвовать во внешней торговле;
- разделение рублевой зоны, прекращение неуправляемой эмиссии во всех бывших республиках;
- частную собственность на основной массе предприятий, чтобы обеспечить свободные операции на рынке, дисциплину исполнения контрактов и конкуренцию.

В свою очередь, частная собственность защищалась бы свободным рынком. Частной собственности противостоит государственная, соединение правомочий власти и собственности, в особенности характерное для советского социализма.

Замена государственной собственности частной – не столь срочное и абсолютное требование. Процесс трансформации так или иначе охватывает некоторый период времени, тем больший, чем менее общество и потенциальные предпринимательские круги готовы к переменам. Но с возрастанием сроков приватизации возрастают политические риски и потери от безответственности и оппортунизма государственных менеджеров. Все современные экономики являются смешанными, со значительным государственным сектором. Поэтому нет нужды выдвигать требование сплошной приватизации. Но, чтобы госпредприятия ощущали давление рынка и конкуренции, будучи поставлены в условия, близкие к частным предприятиям, последних должно быть достаточно много. Принцип комплементарности в данном случае удовлетворяется приватизацией большинства предприятий (созданием доминирующего частного сектора), и желательно в кратчайшие сроки.

Кроме того, рыночная экономика не может существовать без налоговой и банковской систем. Налоговой системы при советской власти практически не было, она была создана заново. Забегая вперед, скажу, что к 2002 г. при участии Е. Гайдара она стала, по моему мнению, одной из лучших в мире. Со мной, вероятно, многие не согласятся, ибо поправки в налоговую систему – любимая забава лоббистов разного толка и депутатов. Но я убежден, что нам заметно менять налоговую систему потребуется только тогда, когда будут происходить децентрализация управления, возврат к реальной федерации и становление нормального бюджетного федерализма.

Что касается банковской системы, то она тоже была создана, причем изначально с сильным частным сектором или с переходом в частные руки контроля над вчерашними государственными банками, еще до появления в правительстве Гайдара. И он не раз мне говорил, что приватизация банковской системы раньше предприятий реального сектора была ошибкой. По его мнению, приватизация банков должна бы быть завершающим аккордом преобразований.

Жесткая денежная и финансовая политика не относится к числу институциональных изменений. Тем не менее она должна быть упомянута в этом списке, ибо после либерализации цен неизбежно возникает инфляция, точнее она переходит в открытую фазу, а без предварительной ликвидации денежного навеса велика угроза гиперинфляции. В этих условиях жесткая антиинфляционная политика оказывается залогом успеха и одновременно самым большим испытанием для реформаторов, тем большим, чем дольше она продолжается.

Всем кажется, что они – бесчеловечные разрушители, сеющие нищету и разорение. Но если не находятся люди, способные выдержать давление со всех сторон и удержать ситуацию под контролем, то любые попытки остановить сползание к катастрофе и провести рыночные преобразования заканчиваются провалом. Именно в этом был бы провал, а не в том, что имели в виду гг. Лужков и Попов.

Подвиг Гайдара

Описанная связка реформ была осуществлена в России в 1992–1994 гг. Первые три реформы из перечисленных осуществлены до 2 января 1992 г. В марте введены корреспондентские счета ЦБ союзных республик в Банке России, и денежная эмиссия хотя бы стала учитываться. В августе 1993 г. было завершено разделение де-

нежных систем с бывшими союзными республиками, в этом заслуга В.В. Геращенко, того самого, который годом ранее организовал взаимозачет платежей и способствовал резкому скачку инфляции, едва не сорвав тем самым план Гайдара и дав дополнительные аргументы для его отставки в конце года. Но в 1993 г. он оправдался в глазах истории.

К середине 1994 г. была завершена массовая приватизация. Более 50% активов промышленности и других отраслей перешли в частные руки или по крайней мере в негосударственный сектор. В 1997 г. с третьей попытки, после двух бюджетных секвестров, удалось добиться финансовой стабилизации, за год инфляция составила 11% против 2600% в 1992 г. В том же году проклюнулись первые признаки роста экономики.

В следующем году, казалось, все пропало.

Азиатский кризис привел к бегству капиталов с развивающихся рынков, цены на нефть упали до 9 долл. за баррель. В России к этому добавились острейший бюджетный кризис, расцвет неплатежей и бартера, слабость всех только народившихся рыночных институтов. Последовали дефолт и девальвация рубля. Политический кризис привел к уходу из правительства почти всех реформаторов. Но семена, посеянные Гайдаром, дали всходы. Эпизодом оказался кризис, а не только наметившийся в 1997 г. экономический рост. Уже с октября 1998 г. он возобновился, причем еще до повышения цен на нефть. Кроме девальвации рубля этому способствовали реформы Гайдара, пробудившие российский бизнес, создавшие рыночную экономику и придавшие ей энергию развития.

Выше здесь не было сказано, что кроме Гайдара никто не знал, что надо делать. Программа «500 дней» предлагала примерно то же самое. Что-то можно было сделать лучше, несомненно. Но надо было решиться. Решиться, хорошо представляя себе, каковы будут последствия, в том числе для себя лично. Гайдар решился и убедил президента Ельцина. Дело было сделано.

Можно ли назвать другие подобные случаи в истории, которые позволили бы в сравнении понять масштаб содеянного? Ближе всего пример реформы Людвига Эрхарда в послевоенной Западной Германии. Разница, во-первых, была в том, что для Гайдара и его соратников самой трудной задачей, с учетом условий России, была финансовая стабилизация. Эрхарду же пришлось уговаривать немецких коллег и союзников, уверенных лишь в необходимости стабилизации, трудной, но решаемой в условиях оккупации задачи, одновременно либерализовать цены. Во-вторых, разница в том, что Эрхард все время оставался у власти и явный успех обозначился уже через 3–4 года.

Нечто похожее имело место в Японии в 1949 г., когда генерал Макартур пригласил американского банкира Доджа для разработки плана стабилизации. Сами японцы вспоминают об этой реформе с неохотой, акцентируя внимание на активной промышленной политике в последующие годы и роли МИТИ. Но я думаю, что либеральные меры Макаргура плюс план Доджа сыграли не менее важную роль для будущего экономического чуда.

В Польше в 1990 г. Лешек Бальцеревич в составе нового демократического кабинета Мазовецкого при президенте Валенсе провел удачную операцию по стабилизации, которая получила название «шоковой терапии». Сами поляки, также невзлюбившие ее авторов, называли ее «лошадиной терапией». Но она сработала уже через 3–4 года. Польшу стали приводить как пример успешных постепенных реформ, имея в виду более всего приватизацию. Но стоит заметить, что либерализацию цен

Балцеровичу проводить не пришлось, за него эту работу сделало последнее коммунистическое правительство Польши во главе с Мечиславом Раковским. Наши бы так! Задача Гайдара была самой сложной, самой тяжелой из этих случаев.

Гайдар не был революционером по характеру или убеждениям. Он, несомненно, предпочел бы умеренную, взвешенную политику. Прочтите его последние статьи, почувствуйте его стиль. Революционером его сделали чрезвычайные обстоятельства. Только революционные решения вкупе с железной волей при их выполнении могли повернуть ход событий.

Не все делал сам Гайдар, вокруг было много беспорядка и хаоса. Было бы удивительно, если бы в тех обстоятельствах происходило что-то другое. Многие доделывались, когда Гайдар уже не работал в правительстве. А что-то делалось ранее – где уместно, а где не очень. И, тем не менее, рыночные реформы 1992–1994 гг. по праву называют гайдаровскими. Неважно с каким знаком. И это справедливо. Ибо по факту они достигли цели – в России возникла и заработала рыночная экономика. Мы вырвались из ловушки, в которую прежде сами себя загнали. Собственно, в этом и состоял подвиг Гайдара.

Медленно или быстро?

Меня поражает, когда, казалось бы, образованные и неглупые люди осуждают Гайдара за все мыслимые и немыслимые грехи. Такое впечатление, что он был один на политической арене лет 100. Неудачному, на взгляд критиков, курсу реформ приписывают колоссальные размеры спада, высокую инфляцию, появление олигархов, коррупцию, нищету народа. Главная претензия – с реформами слишком торопились, надо было делать постепенно, спокойно, никакой «шоковой терапии».

Замечу, что с 1987 г. именно такой курс и проводился. И для экономики ничего обнадеживающего он не дал. Конечно, требовалось гораздо больше времени, а нетерпение, действительно, было слишком велико. Но дела шли все хуже, и не потому что Гайдар мешал. А потому что обстоятельствам соответствовали решительные действия, а на них никто из власти предрекших не был готов. Затяжки с необходимыми переменами, как и до этого жестокая решительность Сталина в период индустриализации и коллективизации, а главное – в создании советско-плановой распределительной модели экономики и привели к критическому положению страны к 1991 г.

А вот в Китае, говорят, действовали с умом, постепенно. Руководство КПК не упускало вожжи из рук и, когда надо было, устроило побоище на площади Тяньаньмэнь.

Книга Гайдара «Долгое время» дает огромный материал для размышлений на эту тему. Корни уходят далеко.

«Выбор стратегии развития СССР, – пишет Е. Гайдар о времени индустриализации и коллективизации, – приходится на период, когда страны-лидеры испытывают глубокий кризис, растет протекционизм, сужается международная торговля. Все это делает малопривлекательной для советского руководства линию, ориентированную на рост экспорта и интеграцию в систему мирохозяйственных связей. Примечательно, что именно такую линию выбрал спустя пять десятилетий, в конце 1970-х годов, социалистический Китай, находившийся в тот момент на экономическом уровне, близком к российскому конца 1920-х годов» [3, с. 305]. Приведу и соответствующие данные.

Таблица 1.

**Сопоставление экономик СССР и Китая
в моменты принятия ключевых стратегических решений**

Страна	Год	ВВП на душу населения (международные доллары США 1990 г.)	Доля занятых в сельском хозяйстве, %	Доля городского населения, %
СССР	1930	1448	86,7	20,0
Китай	1980	1462	74,2	19,6

Источник: [3, с. 306].

У советских руководителей в 1930 г. было время, чтобы выбрать лучший вариант развития, который не привел бы страну через 50 лет к распаду сельского хозяйства, превратив ее из крупнейшего экспортера зерна в крупнейшего импортера, поставив после достижений в космосе и ядерной энергетике на грань голода. Они не слушали разумных советов, одержимые утопической теорией, губили миллионы людей и, что еще серьезней, растлевали души, подрывали естественные стимулы к труду и творческой деятельности, внушали страх и терпимость к гнету, делая неизбежными тяжелые потрясения в будущем.

У китайских руководителей в 1980 г. был перед глазами и собственный опыт маоистских экспериментов, и последствия сталинского рывка, уже к этому времени проявившиеся в экономике СССР, клонившейся к упадку. Поэтому они выбрали японскую модель, на которой не было социалистического ярлыка, но зато она уже показала свою работоспособность не только в Японии, но и у азиатских тигров. Перед Китаем не стояла задача смены основного пакета институтов, как перед Гайдаром, они начинали почти с нуля, как и Россия в 1921 г., НЭПом освободившая силы крестьянства. Это дало начальный толчок и у нас, и в Китае. У нас – отмена продразверстки, у них – роспуск коммун. Но у нас еще через 7 лет после продразверстки началась коллективизация, и потом колхозы никто и никогда уже не думал распускать. Маоистские эксперименты с большим скачком, неродными коммунарами и культурной революцией хунвэйбинов примерно соответствовали нашей индустриализации, коллективизации и Большому террору, запуску планово-распределительной модели социализма. Последняя в течение, по меньшей мере, 40–50 лет оставалась каноном для преодоления отсталости, а мы старались с ее помощью наладить нормальную жизнь, даже обнаружив собственное нарастающее отставание. Китайцы же, отменив свою продразверстку, свой НЭП не отменяли и сразу стали развивать рыночную экономику. Поэтому, когда успехи Китая приписывают постепенным реформам при активной роли государства, надо учитывать эти обстоятельства. Мы тоже могли лучше действовать во время «застоя».

И у нас после реформ Гайдара также наступил период адаптации постепенных институциональных изменений. До них подобные частичные изменения приводили только к негативным результатам, потому что необходимой для созидательного развития комплементарности институтов еще не было. И после реформ позитивное развитие началось не сразу. Борьба с инфляцией и открытие экономики угнетающе действовали на динамику выпуска.

После проведения уже первых реформ в части срочных задач ситуация стала меняться очень быстро. Прежде всего был ликвидирован товарный дефицит на потребительском рынке. В 1992–1993 гг. статистика исчисляла коэффициент насыщенности рынка, основываясь на данных обследования в 132 городах по 98 продуктам. Коэффициент определялся отношением числа городов, где данный товар был в наличии, к общему числу городов. В феврале 1992 г. он был равен 35% (по продовольственным товарам), в 1993 г. – 70%, в октябре 1994 г. – 92%, после чего обследование прекратилось за ненадобностью. [5, с. 211]. Самая срочная в то время задача была практически решена за полтора-два года.

Далее процесс адаптации шел очень трудно, хотя необходимые другие институциональные изменения проводились вполне постепенно, иногда даже слишком.

Самым трудным был процесс стабилизации: попытки остановить инфляцию вызывали усиление спада. Попытки остановить спад или финансово обеспечить «северный завоз», посевную и другие подобные операции вызывали новые всплески инфляции. Сокращение кредитов вело к увеличению неплатежей и бартера. В конечном итоге кризис 1998 г. с девальвацией рубля и последовавшим повышением цен на нефть, благодаря проведенным реформам и активности российского бизнеса, переломили ситуацию.

Открытие экономики также оказалось серьезным испытанием. Рост импорта, насыщая рынки, демонстрировал реальный уровень конкурентоспособности отечественных производителей. Монополизм советского разлива, который считался большой угрозой для формирования рыночной экономики, на деле оказался третьестепенным фактором: бывшие монополии не могли конкурировать. Но одновременно высветились и реальные проблемы.

Одно из главных обвинений против Гайдара – рентоориентированное поведение молодого российского бизнеса, развитие коррупции, появление олигархов, попытавшихся «захватить» государство. Да, все эти явления возникли и до сих пор представляют грозную опасность. Давайте рассудим: являются ли они прямыми следствиями гайдаровских реформ? Прежде всего их радикальности, скорости, «шоковой терапии»? Нет, не являются. Медленно или быстро проводить реформы, все вместе или по отдельности – подобные явления возникают все равно. Упредить их полностью, заранее все предусмотреть и подстелить соломку невозможно, следует принимать меры тогда, когда они набирают силу; оперативно работать, использовать демократические силы для поддержания равновесия политических сил, чтобы вводить новые институты. М. Портер отмечает: предприниматель должен быть убежден, что прилично заработать можно только повышением производительности. Если наблюдается поиск ренты, монополия, административный ресурс и коррупция, значит, институциональная система не отстроена [7, с. 65].

Если это все не отстроено к моменту реформ, значит ли это, что их не следует проводить? Или что можно потом все валить на них и их авторов? Нет, конечно. Для непредвзятого глаза это очевидно. Более того, серьезные реформы, даже обостряя или создавая проблемы, тем самым дают импульсы к их решению, открывают возможности развития. Потому то их лидеры и остаются в памяти многих поколений, даже если при жизни вокруг их идей кипели страсти.

Убежден, что память о Егоре Гайдаре будет жить долго. Есть ли герои, подлинно великие люди в наше время? Да, есть! Он один из них.

* *
*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайдар Е.Т.* Власть и собственность. СПб.: Норма, 2009.
2. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
3. *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
4. *Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г.* Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Модернизация экономики и выращивание институтов / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
5. *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.
6. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.
7. *Портер М.* Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания // Культура имеет значение. М.: МШПИ, 2002.
8. *Ясин Е.Г.* Хозяйственные системы и радикальная реформа. М.: Экономика, 1989.